

ВОСПОМИНАНИЯ О В.А. ВИНОГРАДОВЕ

Сигал Кирилл Яковлевич

главный научный сотрудник, заведующий отделом
экспериментальных исследований речи

Институт языкознания РАН

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1

kjseagal@yandex.ru

Не помню точно, когда именно услышал имя Виктора Алексеевича Виноградова впервые. Скорее всего, это было на 2-м курсе, в 1991 году, на Реформатских чтениях, которые проходили не в академических институтах, как обычно, а на филологическом факультете нашего педагогического института (ныне – МПГУ). Выступали В.Н. Телия, читавшая стихи А.А. Реформатского, посвященные ей, Т.М. Николаева, другие именитые ученые. Это был настоящий праздник науки, который тогда еще по-особому ощущался и переживался. Виктор Алексеевич, как всегда, возглавлял это научное действо: я, как сейчас, помню его, скромно протягивающего кому-то портрет Реформатского работы Ореста Верейского. Но, конечно, о том, что это и есть Виктор Алексеевич Виноградов и что он сыграет значительную роль в моей судьбе, в тот момент я не знал. Хотя кто-то заметил вслух, указав на его колоритную фигуру, что это самый близкий ученик Реформатского.

Так состоялась первая встреча, еще не знакомство. Но имя запомнилось, и понятно почему. Для каждого русиста весомо и почтенно имя академика Виктора Владимировича Виноградова, которого иногда, даже на лекциях, по-простому называют «академик ВВВ». Мне подумалось: как интересно, что есть еще один Виктор Виноградов, причем тоже лингвист. Какая-то необычайная для одной профессиональной среды общность имени и фамилии!.. Но через несколько лет я услышу о себе, что я «аспирант Виноградова», а некоторым, не знаю уж почему, казалось, что вовсе не Виктора Алексеевича, а самого Виктора Владимировича... Так возник особый прецедент мифотворчества, который, как это ни удивительно, был вовсе не единичным.

Знакомство наше состоялось летом 1995 года, когда заведующая кафедрой русского языка профессор Е.И. Диброва решила, что моим научным руководителем в аспирантуре будет Виктор Алексеевич Виноградов. Сам момент знакомства (можно даже сказать, церемонию) помню прекрасно, но никаких слов почему-то в памяти не осталось.

Виктор Алексеевич пригласил меня приехать к нему в Институт языкознания, в котором я бывал, начиная с 1 курса благодаря В.И. Постоваловой, читавшей у нас лекции по фонетике и фонологии. В 1991 году Валентина Ильинична предложила изучать древнегреческий язык. Образовалась небольшая группа желающих: Н.Д. Арутюнова, сама В.И. Постовалова, Н.М. Азарова и я, а нашим преподавателем стала Наталия Владимировна Васильева (в моем сознании по отношению к ней сразу же возникли эпитеты – «воздушная» и «убаюкивающая»). Конечно, нас

хватило только на несколько занятий, но зато, как оказалось впоследствии, вела их супруга моего будущего научного руководителя. Получилось, что с Наталией Владимировной я познакомился намного раньше, чем с Виктором Алексеевичем.

Первая встреча в Институте запомнилась вполне отчетливо. Виктор Алексеевич предложил мне посвятить свою кандидатскую диссертацию проблеме иконичности в языке. Признаюсь, что тогда о существовании такой проблемы я услышал впервые. Но само слово заворожило, захотелось разобраться в том, что же это такое. Так начались месяцы и годы начитывания англоязычной (в основном!) литературы, попытки применить идею иконичности к русскому синтаксису.

Надо отметить, что Виктор Алексеевич руководил по-особому. Он не наставлял, не поучал, не заставлял писать то, что ему казалось верным, не торопил, но старался как-то «привязать» к неожиданно обретенной теме. Он сразу сказал, что хотел бы сам заняться ею, но не имеет возможности (и этим показал свое доверие). Он привозил из зарубежных командировок, в общем-то недоступных аспирантам тех лет, ксерокопии статей и разделов книг, посвященных иконичности в языке западными лингвистами, и щедро снабжал этим богатством. Наконец, он попросил подготовить обзор литературы для... «Вопросов языкознания» (!). Это последнее сразу смутило. Но Виктор Алексеевич, с улыбкой, заметил: «Все равно ведь ты будешь писать историю вопроса...». Конечно, было трудно, но поручение это я выполнил: статья «Проблема иконичности в языке» объемом 2 печ.л. была опубликована в нашем ведущем журнале 22 года назад. Замечу, что эта самая цитируемая моя публикация почти за четверть века научной деятельности.

Тогда, летом 1995 года, Виктор Алексеевич был 56-летним, совсем недавно ставшим доктором наук, он не только казался, но и действительно был крепким человеком (свой неизменный массивный рюкзак носил с легкостью, ходил быстрой походкой, предпочитая от нашего факультета до метро добираться пешком), а главное, был (вовсе не казался!) совсем нетипичным профессором. Он говорил так тихо, что я его сначала не мог расслышать и смущенно просил повторить, он ни на чем не настаивал, как будто бы отстранялся... Но это последнее только казалось, потому что Виктор Алексеевич был внимательным, чутким и сердечным человеком.

Расскажу только об одном эпизоде. Во время первой же встречи в Институте Виктор Алексеевич поинтересовался, на что я буду жить все лето. «Ведь в это время года никакой работы не найти», – констатировал он. Не дожидаясь моего ответа, Виктор Алексеевич сказал, что есть один молодой американец, который выучил русский язык в Соединенных Штатах, но хотел бы совершенствовать свои речевые навыки. Виктор Алексеевич вроде бы даже сам начал учить его, но... продолжить попросил меня. Так прошло все мое лето: раз или два в неделю я стал учить этого Марка Миллера в африканском секторе, который оказался очень гостеприимным и теплым. Так Виктор Алексеевич позволил мне не нуждаться и приступить к аспирантскому труду.

Замечу, что этот эпизод вовсе не исключителен. Не раз бывало так, что Виктор Алексеевич просил меня прочитать какую-нибудь лекцию вместо себя, а потом уступал мне эту работу. Так, в частности, я оказался в ныне уже не существующем Еврейском университете в Москве, где не только постигал азы

лекторского мастерства, но и проводил многочисленные эксперименты, из которых потом выросла моя докторская диссертация.

В аспирантские годы я вел семинарные занятия по «Общему языкознанию» на 5-м курсе в одной группе, а Виктор Алексеевич, читавший лекции, – в другой. Лектор он был великолепный! Обращался к записям не часто, говорил не свысока, не поучая, предпочитая стиль дружеской беседы, иногда шутил, но это были шутки с особым флегматическим оттенком, что проявлялось больше в интонации. На одном семинарском занятии Виктора Алексеевича, на котором он разрешил присутствовать мне, студентам было предложено решить фонетическую пропорцию (так проверяется знание артикуляционных характеристик звуков). Виктор Алексеевич вызвал к доске девицу, которая ни с того ни с сего заявила: «Но я никогда этого не делала!». Виктор Алексеевич, с мягкой улыбкой и как бы в сторону, невозмутимо произнес: «В жизни многое приходится делать впервые» ... С фонетической пропорцией студентка справилась!

Благодаря Виктору Алексеевичу, к которому в Институте относились с почтением, казалось, все, передо мной открывались многие двери, которые обычно открываются с трудом или не открываются вовсе. Помню наши совместные походы в библиотеку, где нас не держали у каталожных ящиков, а пропускали внутрь. Виктор Алексеевич выбирал одну за другой необходимые книги (какие необходимы были мне, он знал лучше) и, записывая их на свою (!) карточку, отдавал мне. То же касается публикаций. Написав одну из первых своих статей, я не знал, где бы ее опубликовать. В то время это было не меньшей проблемой, чем сейчас. Виктор Алексеевич, просмотрев статью, предложил сделать публикацию не где-нибудь, а в «Известиях РАН. Серия литературы и языка». Мы вместе поднялись в кабинет В.Н. Ярцевой, тогда – главного редактора этого журнала. Виктор Алексеевич попросил подождать его в коридоре, а сам, вздохнув и сказав свое любимое «Ладно!», вошел в кабинет, держа перед собой мое несчастное произведение. Через десять минут он, радостный, вышел из кабинета и еле слышно произнес: «Идет в 3-й номер». На следующий день мне позвонили из редакции и, обращаясь по имени-отчеству, буквально слезно молили: «Виктория Николаевна распорядилась вставить Вашу статью в 3-й номер, а он уже сверстан. Не обидитесь ли Вы, если статья будет опубликована в 4-м номере?». Конечно, я понимал, что Виктор Алексеевич уважаем и любим своими коллегами и что я, его аспирант, тоже невольно оказался вовлечен в сферу действия этих заслуженных моим научным руководителем человеческих отношений.

Но вот заканчивались аспирантские годы, диссертация была подготовлена раньше срока, прочитана Виктором Алексеевичем. Приближался момент обсуждения на кафедре. В назначенный день мы оба пришли на заседание и были готовы выслушать мнения коллег. Однако... произошло нечто необъяснимое: обсуждение было настолько жестким, что надежда защитить диссертацию рассеивалась с каждой минутой. Ничего не зная об иконичности в языке, как и я когда-то, мои коллеги критиковали то, чего в диссертации не было, и не понимали того, что в ней было. Дошло до того, что Романа Якобсона, который был первопроходцем иконичности в лингвистике, назвали чуть ли не белоэмигрантом,

хотя, казалось, времена были уже другие. Я посматривал на Виктора Алексеевича, не произнесшего за все время экзекуции ни слова, и думал: «Почему он молчит?». После обсуждения Виктор Алексеевич подошел ко мне и произнес только одну фразу: «Мы будем защищаться в другом месте».

Все так и случилось. Мою кандидатскую диссертацию благожелательно и со знанием дела обсудили в секторе Ю.С. Степанова и рекомендовали к защите в Институте языкознания. Особую поддержку оказала Е.С. Кубрякова, которая подчеркнула, что хотела бы выступить в качестве третьей стороны. Моими оппонентами стали выдающиеся ученые – А.Е. Кибрик и Е.В. Рахилина, общение с которыми воспринимаю как подарок судьбы. Тем не менее мне хотелось знать, как все же оценивает мою диссертацию сам Виктор Алексеевич, который, как известно, избегал каких-либо явных оценок. Спрашивать об этом напрямую было бесполезно. Однако в незапечатанном письме Л.А. Новикову, кафедра которого готовила отзыв ведущей организации, я прочитал такие слова: «Диссертация моего ученика не вызовет досады». Думаю, что в идиолекте Виктора Алексеевича это, безусловно, положительная оценка.

После защиты, состоявшейся в октябре 1999 года, я вдруг осознал, что настолько привык к манере общения Виктора Алексеевича, к его прищуренному взгляду, к его щедрости (сколько книг он мне подарил за годы аспирантуры!), к его поддержке, что не мог согласиться с тем, что все это осталось в прошлом. Скорее всего, Виктор Алексеевич тоже не забывал меня. Менее чем через полгода он позвонил и спросил, не хотел бы я поступить в докторантуру. Больше даже не из желания писать докторскую, а из потребности в общении с большими учеными, такими как В.А. Виноградов и А.М. Шахнарович, в отдел которого меня, собственно, брали, я согласился. Так началась новая страница моей жизни.

Виктор Алексеевич стал моим научным консультантом, хотя однажды он как будто случайно бросил в разговоре: «Я ведь синтаксисом не занимаюсь. Наоборот, какие-то вещи узнаю из твоих работ». Это вовсе не было самоуничижением, которое паче гордости: Виктор Алексеевич так воспитывал потребность в самостоятельных поисках решений трудных вопросов, которыми изобилует синтаксис сочинительных конструкций, тем более рассматриваемый с точки зрения речевой деятельности говорящего (или пишущего). Консультаций как таковых почти не было. Подобное положение дел объяснялось тем, что Виктор Алексеевич был избран директором Института, и у него практически не стало свободного времени. Однако, ознакомившись с почти готовой диссертацией, он задал только один вопрос: «А что, ты модель строить не будешь?». Через полгода после этой беседы модель была предложена, а вся концепция, во многом благодаря своевременному вопросу Виктора Алексеевича, приобрела законченный характер. Именно такие уроки предпочитал мой научный консультант, именно так он передавал свое мастерство, в котором неизменно присутствовал эстетический момент, чем отличались (и выделялись), по моему ощущению, А.А. Реформатский и все его ученики.

Как-то я сказал Виктору Алексеевичу: «Вы написали половину «Лингвистического энциклопедического словаря»». «Я ведь кабинетный ученый», – с грустью ответил он. В этой фразе Виктор Алексеевич интонационно подчеркнул слово «кабинетный», но мне кажется, что выделить следовало бы слово «ученый»

и, возможно, опустить эпитет. Ведь Виктор Алексеевич, действительно, был настоящим ученым, который искал и сомневался, брался за неизведанное и преодолевал очевидное. Фонология, с которой начался путь Виктора Алексеевича в науку о языке, формирует особое лингвистическое мышление. Пройдя школу А.А. Реформатского и приобретя фонологический склад ума, Виктор Алексеевич воспринимал работу лингвиста как опыт жизни. Поэтому директорство стало тем крестом, который он добровольно принял, в каком-то смысле обрекая себя как ученого на вынужденный отказ от привычного ритма работы. Помню, что зашел как-то в африканский сектор. Виктор Алексеевич, уже утвержденный директор, о чем-то разговаривал с И.Н. Топоровой. Я полюбопытствовал, почему Виктор Алексеевич не сидит в директорском кабинете. На это он тяжело вздохнул и больше никак не отреагировал. Ирина Николаевна ответила за своего коллегу: «С завтрашнего дня...». Этот эпизод вспоминаю часто, потому что понимаю, чего стоило Виктору Алексеевичу пойти на это испытание. А это поистине испытание, потому что с креста не сходят – с креста снимают...

Виктор Алексеевич был директором, о котором можно только мечтать. Дверь его кабинета никогда не закрывалась, он был готов обсуждать и решать любые вопросы. Хотя А.А. Реформатский Виктора Алексеевича называл Князем (по сходству с Н.С. Трубецким), а мне он казался очень похожим внешне на Патриарха Алексия II, стиль директорства Виктора Алексеевича был поистине демократическим. Ни одна инициатива сотрудников не была для Виктора Алексеевича нереализуемой. Так, например, он не имел права, как сам разъяснял, финансировать издание книг. Но делал это, потому что понимал, как важно для ученого вовремя поделиться результатами своих изысканий с коллегами. В рамках отдела экспериментальных исследований речи, который я возглавляю с мая 2004 года, Виктор Алексеевич поддержал издание 6 книг. В предисловии к одной из них мы поблагодарили дирекцию за финансовую поддержку, на что Виктор Алексеевич, вздохнув, сказал: «Уж лучше бы вы ограничились устной благодарностью». Было неловко...

...Вот уже больше двух лет прошло с того дня, как его не стало. Верю в то, что мы когда-нибудь встретимся, потому что духовно роднило нас нечто большее, чем то, что разъединяло. Верю в то, что и в этой жизни люди встречаются отнюдь не случайно. Происходит это для того, чтобы чему-то научиться друг у друга. У Виктора Алексеевича я старался научиться духовному благородству и некатегоричности, преданности своему учителю и верности избранной когда-то в юности научной стезе. Царствие ему Небесное!